

---

## ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

---

**А.Р. КАЩЕЕВА\***

**ЛОКАЛЬНОСТЬ КАК МЕЗОУРОВЕНЬ  
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА:  
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* В статье обосновывается теоретико-методологический статус локальности как самостоятельного уровня анализа политических процессов. Актуальность этой задачи обусловлена необходимостью преодоления статичных иерархий в социальных науках, где локальное традиционно рассматривалось как подчиненный элемент государственной или глобальной системы. Предложенная в статье модель опирается на теоретические достижения двух исследовательских направлений – политической географии и конструктивистских подходов к институтам. Сочетание этих направлений позволяет предложить исследовательскую оптику, в которой локальность рассматривается как активный мезоуровень анализа, где в процессе повседневного институционального творчества производятся местные институциональные порядки. Такая концептуализация помогает отойти от дихотомии «микро-макро» в институциональном анализе, а также добавляет к нему пространственное измерение, в котором локальное перестает быть периферией политики, и вместо этого, становится наиболее динамичным полем институциональных изменений. В рамках этой оптики локальный уровень рассматривается как гетерархичная среда, где формальные структуры и неформальные практики сосуществуют в горизонтальном режиме организации. Подход может быть применен в исследованиях административных реформ (таких как изменение границ или перераспределение полномочий) и локализации государственных политик. В рам-

---

\* **Кашеева Александра Романовна**, стажер-исследователь, Центр социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: sakashch@gmail.com

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-031).

Кашеева А.Р., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.12

ках предлагаемой оптики данные процессы предстают не как сугубо техническая оптимизация или пассивная адаптация, а как политическая борьба за перераспределение ресурсов и, что ключевое, за конструирование смыслов.

*Ключевые слова:* место; локальность; пространство; институциональный подход; мезоуровень; институциональный анализ.

*Для цитирования:* Кашеева А.Р. Локальность как мезо-уровень институционального анализа: теоретические основания // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 257–273. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.12>

## Введение

В 2020 году в Мурманской области была проведена муниципальная реформа, призванная объединить четыре поселения Печенгского района – поселки городского типа Никель и Печенга, город Заполярный и сельское поселение Корзуново – в единый Печенгский муниципальный округ. Логика реформы состояла в том, что двухуровневая система управления создавала путаницу для жителей, дублирование функций вело к усложнению бюрократических процедур, а содержание депутатских советов требовало дополнительных расходов. Реформирование вызвало сопротивление на местном уровне, поскольку многие жители района были не согласны с новой окружной организацией, а также со статусом окружного центра у поселка Никель. На публичных слушаниях, состоявшихся в разгар пандемийных ограничений, критики указали на процедурные нарушения, а местные депутаты обратились к губернатору с требованием признать результаты недействительными. Несмотря на все эти обстоятельства, реформа в конце концов состоялась. Однако в процессе объединения появилась важная деталь: при сохранении формального центра в Никеле часть административных структур округа была размещена в Заполярном<sup>1</sup>. Хотя в результате реформы должна была произойти централизация, т.е. создание единого округа с единым центром управления, на практике власть оказалась рассредоточена между двумя населенными пунктами. Иными словами, юридическое единство не означало географической концентрации.

Процессы централизации и децентрализации, перераспределения полномочий, возникновения новых форм территориальности, реорганизация управленческих уровней и локализации национальных политик требуют инструментов, которые способны уловить, как

---

<sup>1</sup> По мотивам собственных полевых исследований автора в 2024 г.

именно институциональные нормы интерпретируются и трансформируются в конкретных местах. Как демонстрируется в обзоре литературы [Wright et al., 2023], несмотря на растущее признание важности пространственного измерения, роль места и пространства в институциональных изменениях остается недостаточно теоретизированной. Исследования пространства и места в основном существуют отдельно от анализа институциональной динамики, хотя в [Ethington, McDaniel, 2007] отмечается высокий потенциал политической географии для институциональных подходов. Возникает потребность в аналитической рамке, которая может рассматривать институты не просто как существующие в пространстве, а как активно конструируемые через пространственные практики и отношения.

Эволюция исследований локальной политики за последние полвека демонстрирует переход от изучения формальных институтов местного самоуправления к осмыслению того, что означает «локальное» в условиях многоуровневого управления и усложнения сетей взаимодействия между разными видами акторов [Avellaneda et al., 2024, p. 971–972]. В этом контексте кейсы, подобные Печенгскому округу, демонстрируют, как универсальные институциональные проекты преломляются через локальные контексты, создавая новые гибридные формы политического взаимодействия.

В рамках настоящей статьи мы стремимся обосновать теоретико-методологический статус локального уровня как самостоятельного измерения институциональной динамики и предлагаем рассматривать локальность как «первый план» (а не как «задний план») институционального творчества. В процессе этого творчества проекты и дискурсы более крупного масштаба сталкиваются с местными практиками, идентичностями и конфигурациями власти, что приводит к возникновению новых институциональных форм и порядков. Опираясь на конструктивистские теории пространства и институтов, а также на два эмпирических примера локальных политических процессов, мы разрабатываем аналитическую рамку для исследований локальных пространственно-институциональных конфигураций.

### **Роль локального в политических процессах: политико-географические подходы**

Во введении к антологии «Пространственный поворот: междисциплинарные перспективы» авторы отмечают: «География

имеет значение не только по простой и слишком заезженной причине, что все происходит в пространстве, а потому что там, где что-то происходит, чрезвычайно важно для понимания, *как* и *почему* это происходит» [Warf, Arias, 2008, p. 1]. На смену классическому пониманию *места* как статичной территории пришли более сложные и динамичные трактовки, которые раскрывают его как мезоуровень институционального анализа, где преодолевается дихотомия «микро – макро». Отчасти это схоже с тем, как глокализация соединяет в себе глобальные и локальные процессы.

Одним из первых фундаментальных различий, заложивших основу для этого пересмотра, стало предложенное Э. Гидденсом разделение между локацией как физическим местонахождением и *locale* (место действия) как социально организованной средой, наполненной смыслами, ресурсами, практиками и властными отношениями. Для Гидденса *locale* – это поле, где социальная жизнь не просто происходит, а активно структурируется и воспроизводится через практики взаимодействия, которые создают его контекстуальность [Giddens, 1985, p. 271]. Этот подход позволил сместить фокус с физической территории на социальный контекст, в котором разворачивается политика.

Значительный вклад в понимание «локального» внес Дж. Эгню, который выделил три взаимосвязанных компонента места, которые находятся в использовании представителей разных дисциплин: 1) локация (*location*) – географическая территория, охватывающая пространство социального взаимодействия, сформированное социальными и экономическими связями; 2) *locale* («место действия») – фокус социальной географии, организация социальной среды, где происходят повседневные взаимодействия; 3) чувство места (*sense of place*) – фокус культурной географии, субъективное и эмоциональное восприятие и идентичность, связанные с конкретным пространством [Agnew, 1987, p. 28]. Для политического анализа необходимо учитывать все три компонента, поскольку их сочетание формирует уникальный политический контекст места, определяя, например, как глобальные экономические силы (локация) преломляются через локальные институты (*locale*) и осмысливаются жителями (чувство места).

Д. Мэсси разработала концепцию «глобального чувства места», которая определяет идентичность места не через его изолированность и замкнутость, а напротив, через уникальное переплетение социальных отношений, простирающихся далеко за его видимые пределы [Massey, 2008]. Схожим образом, в [Amin, 2004]

предлагается нетерриториальное понимание места как «открытого образования», чья сущность определяется не границами – не закрепленной «сверху» территорией, – а внешними связями. По подобию с регионализмом, такая самостоятельность *местного* называется автором «локализмом» [Keating, 2018, p. 35].

Мы можем заметить, что в интерпретациях места Д. Мэсси и А. Амина уходит на второй план или вовсе отбрасывается его географическая, материальная составляющая. Однако для Дж. Эгнью понятие места равносильно социально-географическому контексту политического действия, в котором происходит взаимодействие процессов микро- и макроуровней [Agnew, 1996, p. 132]. Многокомпонентная концептуализация локального Дж. Эгнью и Э. Гидденса создает основу для контекстуального подхода к политическому исследованию пространства. Соответственно, территория является неотъемлемой частью, а также характеристикой политического процесса [Туровский, 2015, с.77].

### **Конструирование пространственных иерархий**

В «нетерриториальных» концепциях локальности теряется еще один важный аспект: место как специфическая материальная арена, где власть приобретает пространственную форму и где управление осуществляется через *территориальность*. Территориальность, понимаемая как стратегический процесс закрепления и контроля социальных иерархий в пространстве возвращает внимание к этим материальным и политическим рамкам. Через территориальность абстрактные социальные отношения приобретают географическую специфику [Sack, 1983].

Пространственные иерархии и классификации, которые являются частью процесса территориальности, тоже предстают как продукт политической борьбы и арена стратегического действия [Delaney, Leitner, 1997]. Подобно тому как институты создают классификации, упорядочивающие и осмысляющие мир [Дуглас, 2012], политика масштаба служит инструментом для упорядочивания пространства и закрепления в нем определенных иерархий. А некоторые географы даже предлагают отбросить его как концепт, поскольку он закрепляет иерархичную концептуализацию пространства [Martson, Jones, Woodward, 2017]. Нил Смит раскрывает его динамику через противоречие между конкуренцией и кооперацией, где ключевыми стратегиями становятся «закрепление

масштаба» для удержания власти и «перемасштабирования» для ее обретения [Smith, 1995, p. 61–62].

Если масштаб социально производим, то институты не просто действуют на разных уровнях, а сами активно производят эти уровни. Как отмечается в [Панкевич, 2022, с. 47], все возможные альтернативы государству как центру анализа неизбежно вызывают внутри институциональных условий, создаваемых и контролируемых государством. В эпоху Модерна происходит фундаментальная реорганизация политического пространства, которую можно охарактеризовать как «национализацию». Автономные средневековые города, выступавшие центрами транслокальных торговых и культурных сетей, прошли процесс «приручения». Их экономические связи были перенаправлены через национальные столицы, правовые системы унифицированы, а политическая воля подчинена центральной власти [Flint, Taylor, 2018, p. 280–283]. Город таким образом превратился из самостоятельного политического актора в административный центр, проводник интересов национального, общегосударственного правительства. Процесс создания наций – «воображаемых сообществ» [Андерсон, 2016] – был проектом, в ходе которого активно изобретались традиции – символы, ритуалы, исторические мифы – которые были призваны легитимировать новые государства и сплотить население в рамках четко ограниченных территорий [Хобсбаум, 2017].

Становление национального государства можно рассматривать как исторический процесс закрепления пространственной иерархии, в ходе которого доминирующие социальные силы стремились стабилизировать национальный уровень как главную арену для накопления капитала, управления и формирования идентичности. Однако в эпоху глобализации этот монопольный контроль ослабевает, и мы наблюдаем «институциональное перемасштабирование»: возникают новые институциональные формы, которые «перескакивают» через традиционные иерархии. Следовательно, институциональный анализ, опирающийся на конструктивистские трактовки пространственных иерархий, фокусируется на конкуренции институциональных порядков за право определять архитектуру уровней управления (макро-, мезо-, микро-). В этих процессах могут производиться одни формы локальности, а другие при этом – маргинализироваться или подавляться.

## Локальный уровень институционального анализа

Исследования локальной политики имеют давнюю традицию, в рамках которой институты понимались по-разному. Классический институционализм рассматривает институты прежде всего как формальные организации – административные структуры и процедуры, – не требующие проблематизации [Peters, 2019]. В сфере локальной политики эта традиция нашла выражение в сравнительных исследованиях местного управления, классификациях муниципальных структур и анализе отношений центра и места как иерархической вертикали управления. В рамках этой парадигмы «локальное» трактовалось прежде всего как уровень государственной иерархии, а локальная политика сводилась к взаимодействию между центральными и местными властями в рамках национальной системы [Cochrane, 2016, p. 3]. Такой подход позволил приобрести много знаний о разнообразии институциональных форм, но не учитывал неформальные практики и то, как они меняются в повседневной жизни.

Переход к «новому» институционализму (см. [March, Olsen, 1983]), ознаменовал сдвиг от описательных типологий к анализу того, как институты структурируют политические процессы и сами формируются под воздействием конфликтов и идей. Развитие институциональной теории привело к появлению социологических версий институционализма (см. [Hall, Taylor, 1996, p. 946–947]), которые рассматривают институты как культурные и когнитивные схемы, формирующие идентичности и легитимные практики. Вивьен Шмидт в своем дискурсивном институционализме показала, что институты существуют не только как формальные правила, но и как идеи и дискурсы, постоянно интерпретируемые и оспариваемые акторами [Schmidt, 2008]. Колин Хэй подчеркивает взаимное конструирование структуры и агентности: институты не просто ограничивают акторов, но и предоставляют им ресурсы для действия, а акторы, в свою очередь, осмысляют и трансформируют институты [Hay, 2011].

Современные исследования развивают эти идеи через понятие «институциональной работы» (institutional work) – повседневных практик, посредством которых акторы создают и трансформируют институты [Lawrence, Suddaby, Leca, 2011]. Такой подход позволяет анализировать локальный уровень как пространство, где формальные проекты сталкиваются с повседневными практиками и идентичностями, создавая новые институциональные формы.

Описанные подходы требуют дальнейшей работы с определением контекста исследования. Вслед за Дж. Эгнью мы считаем, что контекст подразумевает место – социальное место действия, которое также имеет и географические характеристики. Для начала обратимся к теории микрооснований институтов (*microfoundations*). Теоретической основой для такого подхода служит методологический индивидуализм, заложенный еще Максом Вебером. Его трактовки со временем трансформировались и расширялись, однако ключевым оставался императив о том, что объяснение социальных явлений необходимо выводить из анализа действий, намерений и интерпретаций индивидов [Udehn, 2002]. В [Barney, Felin, 2013] поднимается вопрос о микрооснованиях институтов. Ключевой вывод состоит в том, что институты постоянно создаются и трансформируются, через микровзаимодействия акторов. Однако авторы подчеркивают, что объяснение не сводится исключительно к индивидуальному уровню. Микрооснования признают обратное влияние макроструктур (институтов, культур, норм), формирующих контекст для индивидуального действия.

Таким образом, можно отметить, что уже теория микрооснований институтов видится как попытка сгладить острые углы индивидуализма и холизма. Дальнейшие усилия преодолеть ограничения дихотомии «микро – макро» приводят исследователей к концептуализации мезоуровня анализа. Это довольно устоявшееся понятие, однако исследователи отмечают недостаточную теоретическую проработку этого уровня, поскольку зачастую в текстах проводится только противопоставление микро- и макроуровней. С.Г. Кирдина-Чэндлер определяет мезоуровень как «пространство формирования правил, по которым действуют субъекты, порождая макроструктуры» [Кирдина-Чэндлер, 2015, с. 58]. Наиболее релевантной предпосылкой или подходом в изучении мезоуровня она называет «методологический институционализм». Это понятие первым в научный дискурс ввел П. Кейзер, однако С.Г. Кирдина-Чэндлер не полностью согласна с его концептуализацией [там же, с. 56–57]. Она развивает его как дополнение и методологического индивидуализма, и холизма, что тоже может вызывать возражения: определение подхода как развитие двух противоположных парадигм – индивидуализма и холизма – кажется парадоксальным.

Похожую тему поднимает Дэниел Литтл. Он, в свою очередь, вводит понятие «методологического локализма», которое призвано поддержать дискуссию о мезоуровне анализа. Его центральная идея состоит в том, что социальные факты укоренены в

локальных контекстах взаимодействия индивидов, которые обладают знаниями, сформированными этими же самыми институциональными контекстами. Д. Литтл называет свою концептуализацию усовершенствованием именно подхода методологического индивидуализма [Little, 2016]. Таким образом, вводится уровень, на котором происходит взаимопроникновение агентности и структуры. Мы видим, что трехкомпонентный подход к локальности Дж. Эгнью фактически предвосхищает понимание локального как мезоуровня, где пересекаются экономические, социальные и культурные аспекты.

Проведенный анализ показывает, что современные трактовки локального – от места действия до производства локальности – раскрывают его как мезоуровень социально-политической организации, где преодолевается дихотомия «микро – макро». Ключевым связующим звеном между институциональным анализом и географией выступает политика пространственных иерархий. Эта концепция, напомним, рассматривает уровни управления не как готовую иерархию, а как результат конструирования акторов.

Теория конструирования масштаба добавляет институциональному анализу пространственное измерение, показывая, как борьба за власть материализуется в создании новых арен (например, через административные реформы). П.В. Панов формулирует конструктивистское понимание локальной политики так: «деятельность, направленная на конструирование политического значения территориальных образований субрегионального уровня» [Панов, 2008, с. 21]. При этом политизация территории не всегда связана с ее формальным статусом. Источником политического значения могут стать сильная локальная идентичность и способность неформальных иерархий организовывать и мобилизовывать людей [Панов, 2008, с. 22].

В этом ключе территориально-административная сетка предстает как результат прошлых и текущих институциональных процессов, и наш подход требует от исследователя критического подхода к самой этой сетке. Подходы, предполагающие субъективный взгляд на определение единицы анализа (локальность, индивид, организация), как уже было упомянуто выше, требуют дополнительной оценки роли исследователя не только в проведении исследования, но и в выборе уровня и единицы анализа. Место имеет географическую очерченность, но его границы определяются исходя из контекста, а не принимаются как данность вместе с официальными административными линиями. Хотя полностью

отбрасывать формальные границы неправильно, исследователю необходимо учитывать и другие слои локальности – сетевые, символические, дискурсивные, – границы которых могут не совпадать с формальными. Эта методологическая установка перекликается с предостережением антропологов А. Гупты и Дж. Фергюсона против подмены «социальной локализации» (перспективы исследователя) локализацией как простым «выездом в поле» в его буквальном, территориальном смысле. Знание, как они отмечают, неизбежно бывает «как о чем-то, так и откуда-то» [Гупта, Фергюсон, 2013, с. 29], что требует активного размышления о выборе единицы анализа и роли самого ученого в его конструировании.

### Выводы

Описываемый подход может применяться в ряде исследовательских полей. Например, исследования административно-территориальных преобразований – изменения границ, объединения регионов или муниципалитетов – по своей сути работают на мезоуровне. Анализ сопротивления, с которым сталкиваются реформы «сверху», позволяет выявить локальные политики, которые могут даже не иметь устоявшегося названия, но обладать собственной логикой, сформированной прежними формальными и неформальными практиками отношения с пространством [см. Zimmerbauer, Suutari, Saartenoja, 2012; Zimmerbauer, Paasi, 2013]. Другим полем может стать анализ распределения власти между уровнями управления. Вместо того чтобы видеть в передаче функций (например, социальных – с муниципального на региональный уровень) лишь техническую оптимизацию, предлагаемый нами пространственно-институциональный подход позволяет исследовать такие процессы как борьбу за перераспределение ресурсов и символического капитала, в ходе которой могут определяться понятия местного, регионального, государственного и т.д.

Примером применения мезоуровня институционального подхода может служить трехаспектная модель анализа локальной политики, предложенная в [Туровский, 2019]. Поселение рассматривается не только как административная единица, но и как активное локальное политическое сообщество, обладающее собственной субъектностью, и как уникальный локальный политический режим со специфической конфигурацией акторов и правил игры [Туровский, 2019, с. 28–29]. Также подход может быть применен

для изучения локализации государственных проектов и политик. Он позволяет проследить, как универсальные федеральные дискурсы на практике интерпретируются, адаптируются и трансформируются местными властями и сообществами. Задача исследователя здесь – не механически приписывать наблюдаемым практикам заранее заданные институциональные логики (рыночную, государственную и т.д.), а индуктивно реконструировать уникальную систему смыслов, возникающую в конкретной локальности [Панов, 2018, с. 143].

Возвращаясь к истории реформирования Печенгского округа Мурманской области, мы можем увидеть в ней, как локальный уровень контекстуализирует институты. Реформа спроектирована в логике централизации: единый округ, единый бюджет, единое управление. Но локальные условия – разная экономическая специализация поселений, сложившиеся практики взаимодействия жителей с администрацией, а также позиция самих управленцев во властной конфигурации в муниципалитете – привели к тому, что формально единая структура обрела пространственно распределенный характер. Решение разместить часть органов власти в Заполярном стало компромиссом, в котором проявилась локальная специфика.

В 2019 году в графстве Дорсет на юго-западе Англии произошло похожее событие. Оно привлекло внимание не только местных жителей, но и исследователей локальной политики. Три исторических города – Борнмут, Крайстчерч и Пул – были объединены в единый унитарный округ в рамках правительственной политики по оптимизации местного самоуправления. Укрупнение должно было сократить административные издержки, повысить эффективность предоставления услуг и создать более сильную единицу для привлечения инвестиций. Однако уже на стадии подготовки реформы возникло сопротивление. Жители и местные элиты Крайстчерча – небольшого города с богатой историей и сильной локальной идентичностью – восприняли объединение как угрозу своему статусу и самостоятельности. Развернулась борьба, в ход пошли петиции, публичные кампании, апелляции к исторической памяти и местным традициям. В результате был найден еще один уникальный компромисс: формально единый округ сохранялся, но административные функции были распределены между тремя городами, а не сконцентрированы в одном центре. Итоговая институциональная конфигурация вновь оказалась гибридной. Как и в Печенгском округе, формальная централизация

обернулась пространственно распределенной структурой, в которой локальный уровень не исчез, а напротив, обрел новые институциональные формы. Были сохранены церемониальные мэры для каждого города, а также планируется создание приходских советов, которые будут обеспечивать дополнительный уровень локального представительства [Baker, Gwinn, 2026, p. 18]. Парадоксальным образом унифицирующие реформы в обоих случаях, наоборот, только разнообразили политические процессы в конкретных местах.

Приведенные примеры служат иллюстрацией того, какие исследовательские вопросы позволяет ставить предлагаемая нами оптика. И хотя они взяты из разных институциональных контекстов, сама возможность их сопоставления демонстрирует универсальность проблематики, не сводимой к особенностям того или иного институционального дизайна. Обращение к теме реформ и административных преобразований так же не случайно. В моменты институциональных изменений привычный порядок нарушается, и то, что обычно не видимо, становится видимым. Конфликты, сопровождающие разного рода политические преобразования, для исследователей могут стать «окном возможностей». Они позволяют увидеть, как мобилизуются идентичности, оспариваются границы и порядки.

Мы приходим к выводу, что исследование локального уровня предполагает анализ трех компонентов. Первый – институциональный проект, то есть тот внешний импульс, который запускается на локальный уровень; предполагаемое распределение функций и полномочий. Второй компонент – локальный контекст, включающий сложившиеся практики взаимодействия жителей с властью, экономическую специализацию, историческую память, локальную идентичность и существующие неформальные иерархии. Третий компонент – институциональная работа, то есть практики акторов по интерпретации, адаптации и трансформации внешних правил: кто выступает ключевыми агентами, как артикулируются интересы и идентичности, какие новые субъекты возникают в процессе.

Не менее важным является пространственное воплощение политических институтов: где располагаются органы власти, как распределены их функции между разными точками пространства, какие неформальные центры сохраняются или возникают. В пространственной конфигурации материализуется результат столкновения проекта и контекста, структуры и агентности. Для описания возникающих гибридных форм подходит понятие гетерархии

(см. [Мартьянов, 2009; Кротков, 2024]), фиксирующее сосуществование множественных принципов организации в рамках единого института. Мы понимаем гетерархичность не как временное отклонение, а как постоянное свойство локального уровня, где одновременно могут действовать формальные структуры и неформальные практики, внешние проекты и локальные, внутренние идентичности.

Предложенная в статье концептуализация локального уровня как мезоуровня институционального анализа, а также наблюдение о его гетерархичности позволяет рассматривать место не как объект взаимодействия институтов, а как субъект институциональной работы. Сами институты в такой оптике предстают как живые структуры, создающиеся в конкретных местах и контекстах. Также отметим, что наибольшим потенциалом для сочетания институционального и политико-географического подхода обладает конструктивистский институционализм (см.: [Нау, 2011]). Его ключевой принцип – взаимное конструирование структуры и агентности через практики и интерпретации акторов – хорошо соответствует концепции места и локальности. В рамках конструктивистского институционализма локальность наиболее ярко предстает как контекст и мезоуровень – иначе говоря, как институциональная среда, формирующая политические процессы.

Перспективы дальнейшего развития исследований видятся в двух направлениях. Во-первых, необходима конкретизация методологии, направленной на изучение пространственного преломления институтов. Иными словами, требуется разработка инструментов для анализа того, как абстрактные нормы и логики воплощаются в конкретных местах, порождая уникальные режимы. Это предполагает развитие этнографических и кейс-стади подходов, способных уловить локальные практики и дискурсивные границы локальности, часто не совпадающие с формальными. Во-вторых, открывается обширная программа эмпирических исследований – от анализа локализации политик в разных контекстах до изучения новых форм территориальности как полей переопределения иерархий и роли акторов разных уровней.

A.R. Kashcheeva\*

**Locality as a Meso-Level of Institutional Analysis:  
Theoretical Foundations<sup>1</sup>**

*Abstract.* The article substantiates the theoretical and methodological status of locality as an autonomous level of analysis in political processes. The relevance of this task stems from the need to overcome static hierarchies in the social sciences, where the local has traditionally been viewed as a subordinate element of state or global systems. The model proposed in the article draws on the theoretical advances of two research traditions — political geography and constructivist approaches to institutions. The combination of these traditions enables a research approach in which locality is conceived as an active meso-level of analysis, where local institutional orders are produced through everyday institutional work. Such conceptualization helps move beyond the micro-macro dichotomy in institutional analysis while adding a spatial dimension to it, in which the local ceases to be the periphery of politics and instead becomes the most dynamic field of institutional change. Within this optic, the local level is seen as a heterarchical environment where formal structures and informal practices coexist in a horizontal mode of organization. The approach can be applied to the study of administrative reforms (such as border reforms or the redistribution of competences) and the localization of state policies. In the proposed view, these processes appear not as mere technical optimization or passive adaptation, but as political struggles over the distribution of resources and, crucially, over the construction of meanings.

*Keywords:* place; locality; space; institutional approach; meso-level; institutional analysis.

*For citation:* Kashcheeva A.R. Locality as a meso-level of institutional analysis: theoretical foundations. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 257–273. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.12>

## References

- Agnew J. Mapping politics: how context counts in political geography. *Political geography*. 1996, Vol. 15, N 2, P. 129–146.
- Agnew J. Place and politics: the geographical mediation of state and society. Boston; London: Allen; Unwin, 1987, 267 p.
- Amin A. Regions unbound: towards a new politics of place. *Geografiska annaler: series B, human geography*. 2004, Vol. 86, N 1, P. 33–44. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0435-3684.2004.00152.x>.
- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 416 p. (In Russ.)

---

\* **Kashcheeva Aleksandra**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: [sakashch@gmail.com](mailto:sakashch@gmail.com)

<sup>1</sup> The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-031).

- Avellaneda C., Bel G., Durose C., Eckersley P., Esteve M., Lee S. Fifty years of local government studies: evolution, internationalisation, and the future of the field. *Local government studies*. 2024, Vol. 50, N 6, P. 967–979. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2024.2427845>
- Baker T., Gwinn I. Political resistance, representation, and identity during English local government re-organisation: a micro-case study. *Local government studies*. 2026, Vol. 52, N 1, P. 174–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2025.2568388>
- Barney J.A.Y., Felin T. What are microfoundations? *Academy of management perspectives*. 2013, Vol. 27, N 2, P. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.5465/amp.2012.0107>
- Cochrane A. Thinking about the ‘local’ of local government: a brief history of invention and reinvention. *Local government studies*. 2016, Vol. 42, N 6, P. 907–915. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03003930.2016.1228530>
- Delaney D., Leitner H. The political construction of scale. *Political geography*. 1997, Vol. 16, N 2, P. 93–98. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0962-6298\(96\)00045-5](https://doi.org/10.1016/s0962-6298(96)00045-5)
- Douglas M. How institutions think. *Sociology of power*. 2012, N 4–5, P. 188–217. (In Russ.).
- Ethington P.J., McDaniel J.A. Political places and institutional spaces: The intersection of political science and political geography. *Annual Review of Political Science*. 2007, Vol. 10, N 1, P. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.080505.100522>
- Flint C., Taylor P.J. *Political geography: World-economy, nation-state and locality*. New York: Routledge, 2018, 376 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315164380>
- Giddens A. Time, space and regionalisation. In: Gregory D., Urry J. (eds). *Social relations and spatial structures*. London: Macmillan education UK, 1985, P. 265–295.
- Gupta A., Ferguson J. Discipline and practice: “The field” as site, method and location in anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2013, N 6, P. 3–44. (In Russ.)
- Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*. 1996, Vol. 44, N 5, P. 936–957.
- Hay C. Ideas and the construction of interests. In: Beland D. Cox R.H. (eds). *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford university press, 2011, P. 65–82.
- Hobsbawm E. *Nations and nationalism*. Saint Petersburg: Aletheia, 2017, 308 p. (In Russ.)
- Keating M. Rescaling the European state: A constructivist and political perspective. In: Detterbeck K., Hepburn E. (eds). *Handbook of territorial politics*. UK: Edward Elgar publishing, 2018, P. 17–29.
- Kirdina-Chandler S.G. Methodological institutionalism and the importance of meso-level of social analysis. *Sociological Studies*. 2015, N 12, P. 51–59. (In Russ.)
- Krotkov V.O. Heterarchies as socio- political proto- institutions of modern transformation. *Political expertise: POLITEX*. 2024, Vol. 20, N 3, P. 574–586. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313> (In Russ.)
- Lawrence T., Suddaby R., Leca B. Institutional work: Refocusing institutional studies of organization. *Journal of management inquiry*. 2011, Vol. 20, N 1, P. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.1177/1056492610387222>
- Little D. *New directions in the philosophy of social science*. New York: Rowman & Littlefield, 2016, 279 p.

- March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life. *American political science review*. 1983, Vol. 78, N 3, P. 734–749. DOI: <https://doi.org/10.2307/1961840>
- Marston S.A., Jones J.P., Woodward K. Human geography without scale. In: Philo C. (ed.). *Theory and methods*. London: Routledge, 2017, P. 337–354.
- Martianov V.S. The state and heterarchy: subjects and factors of social change. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii imprava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*. 2009, N 9, P. 230–248. (In Russ.)
- Massey D. A global sense of place. In: Oakes T., Price P.L. (eds). *The cultural geography reader*. London: Routledge, 2008, P. 269–275.
- Pankevich N.V. The state in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 41–66. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02> (In Russ.)
- Panov L.G. The political field and institutional logics. *Political science (RU)*. 2018, N 2, P. 136–150. (In Russ.)
- Panov P.V. Local politics in different dimensions. *Political science (RU)*. 2008, N 3, P. 9–31. (In Russ.)
- Peters, B. Guy. *Institutional theory in political science: The new institutionalism*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2019, 293 p.
- Sack R.D. Human territoriality: a theory. *Annals of the association of American geographers*. 1983, Vol. 73, N 1, P. 55–74.
- Schmidt V.A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse. *Annual review of political science*. 2008, Vol. 11, N 1, P. 303–326. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342>
- Smith N. Remaking scale: competition and cooperation in prenational and postnational Europe. In: Eskelinen H., Snickars F. (eds). *Competitive European peripheries*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1995, P. 59–74. Turovsky R.F. Geo-space and meta-space: geographical methods in political science. *Method: Moscow yearbook of proceedings from social science disciplines*. Moscow: INION RAN, 2015, Vol. 5, P. 71–89. (In Russ.)
- Turovsky R. F. Settlement as a subject of local policy: theoretical background of research. *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 13–30. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01> (In Russ.)
- Udehn L. The changing face of methodological individualism. *Annual review of sociology*. 2002, Vol. 28, N 1, P. 479–507. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.140938>
- Warf B., Arias S. (eds). *The spatial turn: interdisciplinary perspectives*. London: Routledge, 2008, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203891308>
- Wright A. L., Irving G., Zafar A., Reay T. The role of space and place in organizational and institutional change: A systematic review of literature. *Journal of management studies*. 2023, Vol. 60, N 4, P. 991–1026. DOI: <https://doi.org/10.1111/joms.12868>
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of rural studies*. 2013, Vol. 30, P. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.JRURSTUD.2012.11.004>

Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. Resistance to the deinstitutionalization of a region: Borders, identity and activism in a municipality merger. *Geoforum*. 2012, Vol. 43, N 6, P. 1065–1075. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.GEOFORUM.2012.06.009>

## Литература на русском языке

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии / пер. с англ. С.В. Соколовского, О.А. Поворознюк // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С. 3–44.
- Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. – 2012. – № 4–5. – С. 188–217.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 51–59.
- Кротков В.О. Гетерархии как социально-политические протоинституты современной трансформации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 574–586. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313>
- Мартыанов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – № 9. – С. 230–248.
- Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 41–66. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>
- Панов Л.Г. Политическое поле и институциональная логика // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 136–150.
- Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.
- Туровский Р. Ф. Геопространство и метапространство: Географические методы в политологии // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 71–89.
- Туровский Р. Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 13–30.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.